

Элбакян Е.С.

«...Ныне Царство Моё не отсюда»

Аннотация. Статья посвящена проблеме рассмотрения теологии в философском, научном и мировоззренческом контекстах. Отдельный раздел статьи посвящён вопросам соотношения теологии и религиоведения. Статья выражает секулярную позицию автора в условиях острых дискуссий, которые ведутся сейчас в российском научном сообществе по поводу статусов теологии и науки, сущности разных типов знания. Автор отстаивает позицию, согласно которой теология не может иметь статус науки. При этом автор согласен, что наука, теология и искусство являются равноценными способами познания действительности, каждый из которых важен для общества и личности. В то же время ни один из этих способов познания не может заменять собой другого. В результате автор приходит к выводу, что идея наделения теологии статусом науки не только некорректна – такая идея профанирует теологию.

Е.С. Элбакян

Ключевые слова: теология, религиоведение, наука, рационалистическая философия, догматика, принципы научности, конфессионализм, мировоззрение

*«...Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»
(Мф.22:21)*

Дискуссии по вопросам о научном статусе теологии, внесению её в перечень научных дисциплин, о преподавании теологии в светских вузах (государственных и негосударственных) на всех трёх ступенях высшего образования – в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре, о создании диссертационных советов по теологии для защиты диссертаций в соответствии с паспортом специальности «Теология» с получением диссертантами (соискателями) диплома кандидата или доктора наук государственного образца, наводит на некоторые размышления, которыми хотелось бы поделиться на страницах профильного журнала.

Хочу сразу оговориться, что статья носит дискуссионный характер – в ней я постаралась наметить комплекс проблем междисциплинарного характера и актуализировать вопросы как общенаучного, так и частноотраслевого порядка, решение которых должно быть найдено если не в ближайшее время, то в некоем обозримом будущем. Таким образом, статья может являться своего рода отправной точкой для дальнейшей дискуссии. По этой причине в ней выделен ряд аспектов, каждый из которых нуждается в отдельном обсуждении и дальнейшей сущностной проработке.

Философский контекст

Насколько известно, в философии в целом мы можем выделить три ключевых направления:

- религиозную философию,
- иррационалистическую философию (антисциентизм),
- рационалистическую философию (сциентизм).

Что касается религиозной философии, то, очевидно, что она находится

наиболее близко к теологии и значительно дистанцирована от философских проблем науки, от ключевых аспектов её логико-методологических оснований.

Иррационализм, по понятным причинам, тоже весьма далёк от научного дискурса. Здесь автор имеет в виду, в основном, философию жизни и экзистенциализм, то есть те философские направления, суть которых базируется не на рационально-логических построениях, а на неких спонтанных ощущениях, интуиции, инсайте и т. д. Особая роль разума в познании мира, человека и т. д. сторонниками этих философских направлений отрицается. Более того, иррационализм прямо заявляет о невозможности познания действительности научными методами, поскольку для этого ему видятся совсем иные процедуры – внезапное озарение, интуитивное прозрение, интеллигибельное созерцание и т. д.

Ещё Фома Аквинский исходил из того, что «сотворённое Богом имеет некоторый зазор между сущностью и существованием – это бытие сложное. Зазор не может не образоваться, поскольку сущность не только умопостигаема, но также идеальна, следовательно, вечна, а материальные вещи временны. Следовательно, сущность и существование в материальных вещах отделены друг от друга, вот и образуется разрыв. ... Важно то, что всякая вещь совпадает с собой в своей сущности, но не совпадает в существовании, совпадает с собой в вечности, но не совпадает в делящемся времени»¹. Итак, если для Фомы наличие этого «зазора» объяснялось, по существу, разницей между Творцом и творением, то обратившись к антисциентистской философии 20 в., в частности, к экзистенциализму с его ключевой категорией бытия, обнаружим наличие в нём всё того же «зазора», но уже никак не связанного с бытием Бога, ибо существование (экзистенция), по мнению сторонников экзистенциализма, предшествует сущности.

Очевидно, что философским базисом для теологии, выступающей в научном качестве, иррационализм стать не может.

Остаётся ещё один тип философии – рационалистический, в котором приоритет в познании мира отдаётся человеческому разуму. Как ни парадоксально, но противостояние рационализма (в узком смысле слова) и эмпиризма, на мой взгляд, привело к позитивизму – рационалистическому направлению, положившему в основу эмпиризм – «факты, факты и ничего, кроме фактов». Ясно, что позитивизм пережил много стадий на пути своего развития и не является внутренне однородным направлением, включая в себя множество школ. Тем не менее, базовый его принцип остаётся неизменным. Если, например, рассуждать о постпозитивизме или логическом позитивизме, то можно вспомнить аналитическую философию, в рамках которой аналитические суждения рассматриваются как обусловленные логически (их ложность или истинность зависит исключительно от соответствия логическим процедурам, и совсем неважно, соответствует ли она реальным фактам), в то время как синтетические суждения, в поисках истинности, апеллируют к реальным фактам, то есть эмпирически обусловлены. В контексте гносеологии это означает, что у человека имеется некое априорное знание, полученное не из опыта, а возникшее, благодаря «чистой» логике.

Далее, если мы рассматриваем не отдельно взятые суждения, а текст как таковой (то есть логическую совокупность суждений) и контекст, на фоне которого разворачивается текст, то возникает вопрос о возможности установления истинности всей совокупности суждений и сомнение в необходимости их разделения на аналитические и синтетические.

Согласно Эдмунду Гуссерлю, в результате трансцендентально-феноменологической редукции мы получаем сознание чистого Эго, в структуре которого имеются нозис, нозма и интенциональность. Все конкретные онтологические факты из этого сознания устранены. Эрнст Кассирер, наоборот, рассматривает науку, искусство и религию как попытку человека трансцендировать, то есть выходить за пределы самого себя.

В связи с этим возникает вопрос – какая философская школа рационалистической (сциентистской) философии может стать методологической базой для разрешения теологических проблем? Например, автор не видит таких возможностей: ни аналитические суждения о Боге (вспомним логические ошибки доказательств бытия

Бога Августина, Ансельма, Аквината и др.), ни синтетические (отсутствие фактического подтверждения в действительности) невозможны. Феноменологический метод тут бессилён – «чистое сознание» не включает идею Бога. А трансцендирование как выход за пределы собственной личности также вполне возможно и без Бога (пример тому искусство и наука 20 в.). Сам по себе позитивизм также не оставляет места теологическим размышлениям, ибо «факты» не могут их ни подтвердить, ни опровергнуть.

Научный контекст

Прежде чем обратиться к «чистой» науке, необходимо рассмотреть понятие «мировоззрение» – причём, как в широком, так и в узком смыслах этого слова.

Само понятие «мировоззрение» достаточно хорошо исследовано и проанализировано в научной литературе. Одно из распространённых философских определений мировоззрения выглядит следующим образом: «Система взглядов человека на объективный мир и на место в нём человека, на отношение человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими представлениями основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации»². Отсюда можно представить мировоззрение как комплекс, включающий в себя: а) мироощущение, которое для индивида является полусознанным и реализуется в его социальном и эмоционально-духовном самочувствии; б) миропонимание, которое более рационалистично, представляет собой понятийный, концептуальный уровень воззрений человека на мир и собственное «я». Центральное место в миропонимании занимают картина мира и сознание «я» (концепция собственного «я»); в) мироотношение, которое реализуется в принципах поведения личности, базирующихся на мироощущении и миропонимании.

Личность осваивает мир, опираясь на эти три составляющих мировоззренческого комплекса.

Очевидно, что в мироосвоении важную роль играет именно миропонимание: рационалистическое осознание общей картины мира и собственного «я» определяет основную направленность деятельности личности, её главные ориентации. Подобное понимание мировоззрения в соотнесённости с картиной мира, условно может быть отнесено к определению в широком смысле.

В узком же смысле, который, собственно, в основном и имеется в виду в данной статье, под мировоззрением понимается не картина мира как таковая, ибо, очевидно, что есть научная картина мира, которая представляет определённый (конкретный) модус мировоззрения в широком смысле слова. В данном же случае речь идёт о мировоззренческом компоненте, тесно соприкасающемся с идеологией, то есть с убеждениями человека – в нашем случае, религиозными или внерелигиозными.

Таким образом, если философия несёт в себе элемент мировоззрения³ и в широком и в узком смысле слова, то в связи с наукой о мировоззрении, на мой взгляд, имеет смысл говорить о нём только в самом широком смысле. Узкий же смысл этого понятия, приближающий мировоззрение к идеологии, наукой исключается или, по крайней мере, должен быть исключён.

Очевидным является и тот факт, что проблемам методологии и философии науки посвящено множество разных исследований, акцентирующих внимание на проблеме в целом и на отдельных сторонах развития науки, от её исторических этапов и характеристик каждого из них, до общих логико-методологических принципов, подходов, парадигм и т. д.⁴

Не занимаясь специально этими вопросами, я писала об общих принципах научности в связи с религиозоведческой экспертизой⁵, но повторю их в связи с попытками придать характер «научности» теологии.

Как отмечают практически все исследователи науки, последняя в целом базируется на доказательстве, поэтому для неё имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть⁶. На сегодняшний день научным сообществом признаётся ряд критериев научности, обобщив которые, можно выделить следующие базовые принципы:

1. *Принцип верификации* (от лат. *verus* – истинный и *facere* – делать), в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить.

2. *Принцип фальсификации* (от лат. *false* – ложь и *facere* – делать), в силу которого только то знание является научным, которое можно изменить: опровергнуть или дополнить.

3. *Принцип объективности* – постулирования того, что принадлежит объекту и не зависит от субъекта, то есть тех явлений или процессов, которые не зависят от воли, веры или желания познающего субъекта (отдельного учёного или научного сообщества).

4. *Принцип рациональности* (от лат. *ratio* – разум). Рациональность – относящееся к разуму, обоснованность разумом, доступное разумному пониманию, в противоположность иррациональности как чему-то неразумному, недоступному разумному пониманию. Рождение феномена рациональности связывается с коренным реформированием европейской философии в Новое время, выразившимся в её сциентизации и методологизации. Основоположником этой реформы принято считать Р. Декарта, призывавшего разум человека освободиться и от «оков мистики и откровения» и рассудочной ограниченности схоластики.

5. *Принцип методичности* – последовательности логических процедур, заранее нацеленной на достижение определённой цели.

6. *Принцип истинности*, под которым подразумевается соответствие знания (шире – информации) познаваемому предмету (шире – объекту). На основе признака истинности формулируется дополняющий его признак *предметности* знания, а именно: всякое знание должно быть знанием предметным, то есть обязано характеризоваться отношением к существующему вне него познаваемому, ибо если нет познаваемого, то нет и знания.

7. *Принцип системности*: только та информация является научной, которая должным образом структурирована. Структуризация позволяет легко определять её роль и место в общей системе знаний, т. е., обеспечивает возможность поиска нужной информации.

8. *Принцип изменяемости частей*: только та информация является научной, составные части которой можно изменить, т. е., опровергнуть или дополнить (тесно связан с пунктами 2 и 7).

9. *Принцип интерсубъективности* выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности знания (шире – информации) в отличие, например, от мнения, характеризующегося необщезначимостью, индивидуалистичностью.

10. *Принцип аксиологической нейтральности*, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте (тесно связан с п. 9).

И вновь хотелось бы повторить заданный выше вопрос, переформулировав его с учётом сказанного, – каким образом эти принципы научности могут «работать» в сфере теологии, если последнюю наделять статусом науки?

Необходимо отметить, что в науке имеет место динамика, развитие, возможность пересмотра и дополнения устоявшихся положений. В естественных и точных науках при получении нового знания (как правило, эмпирическим путём, системой расчётов и т. д.) пересмотр устоявшихся позиций возможен всегда. Сложнее обстоит дело с социально-гуманитарными науками, где, например, одно из философских направлений может рассматриваться как единственно верная методология, исходя из которой выстраивается вся концепция исследования. Вместе с тем, преодолев идеологическую «надстройку», в «сухом остатке» мы обнаруживаем научную конструкцию/модель, в основе которой лежит дедукция (индукция, на мой взгляд, всё-таки, в большей мере свойственна либо знаниям, ещё не сформировавшимся в науку, либо практическим и прикладным областям). Более того, приступая к своим изысканиям любой специалист в сфере социально-гуманитарных наук должен следовать принципу «методологического агностицизма», выдвинутому Максом Вебером. По существу, он должен совершить процедуру «исключения трансцендентного». Возможно ли исключить трансцендентное непосредственно в учении об этом трансцендентном? Вопрос риторический, и ответ на него очевиден.

Можно ли говорить об «ортодоксальности» науки? Полагаю, что к науке этот термин неприменим. Это лишь аллюзия или реинтерпретация гносеологии

и праксеологии. В естественных и точных науках она, по понятным причинам отсутствует, ибо при получении нового знания (как правило, эмпирическим путём, системой расчётов и т. д.) всегда возможен пересмотр устоявшихся («ортодоксальных») позиций. В религиозной сфере «ортодоксальность» – это догматизация и догматизм.

В науке «ортодоксальность» – это её доказательность. «Ортодоксальны» ли законы Ньютона? Безусловно. Бросьте в окно любую вещь и лишний раз в этом убедитесь. Возможно ли их дополнить либо они неизменны, как религиозные догматы? Да, возможно. Что и произошло на рубеже XIX–XX вв., когда никто не отменил ньютоновскую механику, однако наши знания расширились, и она была существенно дополнена квантовой механикой.

Возможно ли дополнить Никео-Царьградский Символ веры? Возможно ли «догматическое развитие»? Нет, невозможно. Об этом неоднократно говорилось, в т.ч. на Религиозно-Философских собраниях в Санкт-Петербурге (1901–1903 гг.), когда одно из заседаний было посвящено этому вопросу. Церковь тогда прямо ответила либеральной религиозной интеллигенции, что это невозможно⁷. Как пример: вспомним, к чему привело добавление католиками формулы *filioque*.

Конфессиональность ли это? (мировоззренческий контекст)

Конфессиональность (не только в теологии) – это самоосознание внутри конкретной религиозной традиции (конфессии) не только в смысле номинальной или реальной принадлежности к ней, но и в аспекте отношения к внешнему для данной конфессии миру и ко внутреннему бытию самой конфессии, включая её адепта/последователя. Ключевым моментом здесь является вполне логичное восприятие истинности вероучения, культовой практики и т. д. собственной конфессии и ложности (или, в крайней степени, терпимости) всех остальных. Поэтому в данном случае «работают» и личная самоидентификация человека с каким-либо конкретным религиозным направлением и, безусловно, объективные факторы, позволяющие его к этой конфессии отнести – его высказывания и поступки, соответствие определённой морали, исследования и т. д.

Теология всегда конфессиональна. Что может означать понятие «внеконфессиональная теология»? Мне видится, что нет «теологии» вообще, но есть католическая, протестантская и др. теологии, которые стараются вместить в себя различные аспекты (так называемые «теологии родительного падежа»). Если же говорить об индивидуальной (внеконфессиональной) религиозности, то, ясно, что у таких людей имеются собственные представления о Боге. Но, тогда при чём здесь, собственно, «теология»? Скорее это некий личный, строго индивидуальный религиозный опыт, индивидуальное ощущение сакрального и т. д.

Теология – общее понятие, называющее некий класс предметов, как понятие *дерево*, которое всегда требует индивидуальной конкретизации: ель, сосна, осина – то есть, указания на конкретные деревья. «Дерева» вообще, по существу, нет, и под этим словом всегда подразумеваются конкретные деревья с их собственными названиями.

Очевидно, что, рассуждая о теологии, в данном случае мы подразумеваем теологию христианскую, ибо, строго говоря, это термин христианской картины мира. Говоря о христианской теологии и помня о делении христианства, по крайней мере, на четыре основные ветви – православие, католицизм, протестантизм и ориентальные (дохалкидонские) христианские церкви, каждая из которых дробится ещё на множество направлений, – мы встаём перед вопросом: о какой конфессиональной теологии конкретно идёт речь? Как мы выяснили, «теологии вообще» не существует. Зато есть ряд конкретных представлений отдельных конфессий о Боге, учений о Боге, выработанных в той или иной религиозной традиции христианства, где, повторюсь, конфессионализм подразумевает определённый мировоззренческий выбор, незыблемую позицию, ограниченную рамками отдельного конфессионального мировосприятия.

Справедливо предположить, что истинность или ложность выводов теологического исследования неизбежно определяется тем, насколько оно согласуется с вероучительно-догматическими основами. Если согласуется, то эта работа может

быть признана богословской (теологической), если в чём-то не согласуется, то она вполне может быть отнесена, например, к разряду «религиозной философии», которая в целом отражает основные идеи той или иной религии или религиозного направления, но гораздо более «свободна» в толковании догматики. Другие варианты возможны вряд ли...

Поэтому у меня нет уверенности в том, что научная диссертация, если она выстроена в объективистском ключе, сможет быть защищена в теологическом совете, который предполагает наличие у диссертанта определённой мировоззренческой позиции. То есть, сколь угодно долго говорить об аксиологической нейтральности теологии, конечно, можно, но разговор такого рода, на мой взгляд, лишён практического и теоретического смысла.

Теология и религиоведение в условиях «земной ситуации»

Любая теология – это учение о Боге и его самообнаружении в мире. Объект в данном случае не может быть ни верифицируемым, ни фальсифицируемым (а это, как уже говорилось, один из важнейших принципов научности), по определению самих же теологов, непознаваем. Поэтому как можно рассуждать о познании научными методами (то есть теми, которыми располагает наука) заведомо непознаваемого объекта? Обнаружение Бога – это сугубо субъективная процедура, которая осуществляется в рамках личного религиозного опыта верующего человека либо группового опыта членов религиозного сообщества. При этом «обнаружение» возможно только в случае Божественного самообнаружения, ни в каком ином случае этого не случится. Данную идею прекрасно иллюстрировал известный английский писатель Джон Фаулз в романе «Волхв», которого я уже цитировала⁸, но позволю себе повториться, ибо приводимый диалог очень чётко отражает эту мысль:

«–А может, вы просто боитесь размышлять о боге? ...

– Нельзя размышлять о чём-то, что мышлению неподвластно.

– Но вы размышляете о завтрашнем дне? О том, что будет через год?

– Конечно. Обо всём этом можно делать достоверные предположения...

– А я и о боге могу делать достоверные предположения.

– Например?

– Он невероятно мудр.

– Почему вы так думаете?

– Потому, что я его не понимаю. Зачем он, кто он, на каком уровне бытия...

Видно, бог невероятно мудр, раз он настолько умнее меня. Настолько, что не оставил мне ни одной подсказки. Уничтожил все улики, все очевидности, все причины, все мотивы своего существования...

– Невероятно мудр или невероятно жесток?

– Мудр. Умей я молиться, попросила бы бога не посылать мне знамений. Как только он пошлёт знамение, я пойму, что он не бог. А лжец»⁹.

Вместе с тем, важно рассмотреть ещё и аспект аксиоматизации в теологии и науке. Ясно, что аксиомы приняты и в научных исследованиях, в особенности, в точных науках. Но, в отличие от теологии, аксиомы в науке как положения, принятые без доказательств (например, в математике) носят локальный (я бы сказала «технический») характер, являясь лишь элементами научных теорий. Объект же изучения в науке не аксиоматичен. Кстати, в науке возможна и обратная процедура – де-аксиоматизация.

Если говорить о теологии, то она принимает само существование объекта своего изучения исключительно в качестве аксиомы, которой здесь является Бог – не некий локальный аспект теории, а непосредственный объект, на изучение которого, собственно, и направлена теология. Исходя из аксиоматизации объекта в целом, естественно устанавливать аксиомы и более локального характера. Не менее естественно, также, что в случае теологии де-аксиоматизация практически невозможна, так как она, по существу, отменяла бы само существование теологии как таковой.

Основной постулат о существовании Бога в том, что оно либо должно быть принято на веру, либо рассматриваться как гипотеза, выстроенная на некой

аксиоме. Такую гипотезу невозможно ни опровергнуть, исключив из науки как ложную, ни доказать, превратив её в концепцию. С этой проблемой столкнулись и раннехристианские теологи. В своих попытках обоснования христианства они пытались объяснить непонятное в христианской догматике через понятное и иррациональное, по существу, необъяснимое логически, рациональным путём.

В отличие от теологии, объектом религиоведения является религия, а предметом – различные стороны проявления религии в жизни общества и отдельного человека. Однако достаточно взглянуть на паспорт специальности «Теология», чтобы увидеть, что в нём содержатся далеко не теологические аспекты.

Так, в формуле специальности, наряду со специфичным для теологии раскрытием её содержания и основных разделов и источников теологического учения, находятся сугубо религиоведческие «основы вероучения и религиозных обрядов, исторические формы и практическая деятельность религиозной организации, её религиозное служение, религиозное культурное наследие в различных контекстах». Далее указывается, что «Теологическое исследование направлено на выявление, анализ и интерпретацию значимых аспектов религиозной жизни, их соотношение с нормами конкретной религиозной традиции. Важной областью предметного поля специальности «Теология» является изучение истории и современного состояния отношения религиозной организации к другим конфессиональным учениям и организациям, а также к государству и обществу»¹⁰. Всё это, как нетрудно заметить, является сферой науки – религиоведения.

Вместе с тем, ясно, что в направлении «Теология» может быть задана группа специальностей, то есть «поднаправлений», как это есть в других отраслях, и в неё может быть включён более широкий контекст, в том числе, конечно, и история собственной (конфессиональной теологической) мысли, и история церкви, и способы собственного существования и развития. Но важно, что всё это теологией может рассматриваться лишь в рамках теоцентричной картины мира, тогда как наука, решая «земные» задачи, получила импульс и широкое развитие именно после смены парадигм, то есть в рассмотрении вещей и явлений в рамках антропоцентричной картины мира.

Известно, что религиоведение (т. е. наука о религии), как отдельная научная дисциплина сформировалась во второй половине 19 века в Западной Европе на стыке ряда гуманитарных дисциплин – филологии, философии, истории, социологии, психологии, этнографии, антропологии, фольклористики, востоковедения и др. Из этих дисциплин наука о религии заимствовала во многом и общие для них методы исследования. Специфика религиоведения в том, что оно формировалось вокруг объекта и предмета своего изучения, то есть религии, а не вокруг методологии, которая не имела самодовлеющей ценности и была лишь инструментом исследования.

Несмотря на то, что богословы представляют теологию «наукой», специфические для теологии вопросы – вопрос о существовании Бога и вопрос об истинности Откровения – научными, понятно, не исследуются.

Об элементах веры в процессе познания существует немало суждений, в том числе спекулятивных. Конечно, «вера» играет определённую роль и в науке, но это не «религиозная вера». Например, вера как некая уверенность в правильности определённых допущений при выдвижении научных гипотез, которые ещё не доказаны окончательно рациональным или экспериментальным путём, а потому существуют лишь на уровне уверенных предположений. Но с позиции науки такие предположения нуждаются в доказательстве или опровержении. И только эмпирическое или теоретическое подтверждение таких гипотез способно превратить их в научную концепцию.

Разница между научными постулатами и религиозными догматами принципиальна. Она состоит, помимо прочего, в разнице между верой вообще и религиозной верой в частности. Например, в английском языке для разделения этих понятий существует даже два слова – *belief* (вера вообще) и *faith* (религиозная вера), где последняя обладает своей исключительной спецификой: *explicit belief* – беззаветная вера во что-либо, но *Christian faith* – христианская вера. Религиозная вера – это, прежде всего, вера в реальное существование сверхъестественного (инобытийного). В науке

такой веры нет, т. к. опора на допущение произвольного вмешательства каких-либо неопределённых сил или существ в естественный порядок вещей делала бы науку, на основы которой опирается вся современная цивилизация, бессмысленной. Вера в существование трансцендентного Бога, который по определению выходит за рамки человеческого разума, недоказуема и может оставаться только «верой религиозной».

Вместе с тем, некоторые учёные в России полагают, что ряд методов в научном религиоведении и в рамках конфессионального подхода к изучению религии может совпадать. На мой взгляд, такая позиция, как и сам термин «конфессиональное религиоведение», является некорректным, представляя собой заблуждение или профанацию. Попытаюсь это обосновать.

По моему мнению, конфессионального религиоведения нет и не может быть, так как под термином «религиоведение» в России и западных странах понимается объективное, неангажированное, внеконфессиональное научное изучение религии. Соответственно, религиоведение определяется в странах, где оно возникло как Science of Religion, Study of Religion (англ.), Religionswissenschaft, Religionskunde (нем.), La Science de Religion (фр.) и др.

Если обратиться к отечественному учебнику для студентов ВУЗов «Основы религиоведения» под редакцией И.Н. Яблокова, выдержавшему ряд изданий, то в нём можно увидеть ряд базовых принципов изложения религиоведения для студентов, а по существу – всего научного религиоведения, которые формулируются абсолютно корректно.

«Исходный принцип – строгая объективность, конкретно-историческое рассмотрение предмета. Не приняты абстрактные стереотипы, согласно которым «тёмная» и «светлая» краски заранее предназначаются для живописания явлений религии или свободомыслия не приняты. Излагаются научно обоснованные положения, прочно установленные факты; используются результаты, полученные в мировом религиоведении, философии. Подбор и расстановка теоретического и фактического материала осуществляются с намерением как можно более точно воспроизвести историю, чтобы в ней искусственно не образовывались пустоты и «белые» пятна»¹¹.

Зададимся вопросом: возможен ли подобный подход в апологетическом курсе, например, истории религии? Будут ли отличия при изложении и толковании одних и тех же фактов, касающихся крещения Руси, раскола Русской церкви, возникновения старообрядчества или созыва Поместного собора в 1918 году с научных позиций религиоведа, преподающего в светском ВУЗе, с вариантами трактовок преподавателя православной Духовной академии, католического колледжа и старообрядческой семинарии? Безусловно. Объективистски ориентированный научный специалист будет излагать и анализировать конкретные и установленные исторические факты, сопоставлять процессы, происходящие в одной конфессии с процессами в другой конфессии и т. д. этически нейтрально. Богословы православной Духовной академии, а равно католики или старообрядцы заведомо не смогут придерживаться такого принципа в силу «условностей» и «установок» своих конфессиональных идеологий. Курс истории любой конфессии в духовных учебных заведениях, как и большинство других дисциплин, носит апологетический характер и исходит из абсолютной «истинности» и «правдивости» лишь собственной версии религии, тогда как все остальные видятся в разной мере заблуждениями.

Аналогичным образом можно сопоставить и другие, предложенные в упомянутом учебнике для будущих религиоведов, принципы: «... рассмотрение религии, религиозной философии, свободомыслия в контексте развития духовной культуры. ... анализ мировоззренческих вопросов под углом зрения проблем бытия человека, его сущности и существования, цели и смысла жизни, смерти и бессмертия, ... изложение вопросов на языке толерантности, терпимости, диалога религиозных и нерелигиозных мировоззрений о человеке, обществе, мире»¹². Здесь же справедливо констатируется, что «исходные базисы религиозных и нерелигиозных мировоззрений различны. Различны в этих мировоззрениях и принципы объяснения процессов и событий в природе, обществе, человеке»¹³. Более того, в качестве принципиальной позиции, с апелляцией к российским и международным правовым документам, утверждается, что «свобода совести интерпретируется с учётом истории становления данного

понятия, мирового опыта (в том числе и в нашей стране) обеспечения прав человека в этой области»¹⁴. Следует отметить, что в данном учебнике указывается и на необходимость более широкого, чем чисто юридическое, понимания свободы совести.

Так, нет никаких оснований предполагать, что подобные подходы свойственны изучению религии и религий в каких-либо духовных учебных заведениях, ставящих перед собой цели подготовки специалистов не для светской, то есть универсальной сферы деятельности. Тем более что в данном случае, речь, безусловно, идёт даже не о «конфессиональном религиоведении», что само по себе нонсенс, а о конфессиональном изучении религий – с опорой на конфессиональную апологетику, что вполне естественно для позиции каждой конкретной конфессии.

О конфессиональном (православном, мусульманском, католическом, буддийском, иудаистском, протестантском и проч.) религиоведении говорить столь же абсурдно, как, например, об «англиканской физике», «католической химии», «исламской медицине» или «буддийской математике». В религиоведении, как и в других научных направлениях, исследование возможно лишь во внеконфессиональной, светской парадигме, независимо от личного вероисповедного выбора учёного, глубины его религиозной веры или неверия. В таком случае, приступая к научным исследованиям, он «заключает трансцендентное в скобки», отделяя своё личное, субъективное мировосприятие от объективных фактов.

Не выдерживает критики и аргумент о совпадении отдельных методов исследования в науке и теологии. Обычно он заключается в ссылке на работу с источниками. Однако и здесь возникает резонный вопрос: одинаковы ли подходы к таким ключевым источникам, как, например, Библия или Коран у светского религиоведа и представителя той конфессии, для которой он является книгой, «продиктованной Богом» и, следовательно, не подлежащей какому-либо критическому анализу со стороны разума? Разумеется, эти подходы будут принципиально разными, как разными окажутся и выводы, сделанные по изучении текста.

Подобным же образом ненаучными выглядят и объяснения тех или иных событий истории и современности Божественным промыслом, что вполне удовлетворяет теологов, но окажется недостоверным с позиции науки – как для верующих, так и для неверующих. Строго говоря, сверхъестественным вмешательством можно объяснять всё. Однако научно подтвердить ни одно из таких объяснений нельзя.

Таким образом, разум подсказывает, что для причисления теологии (богословия) как учения о Боге к ряду научных направлений и дисциплин, оснований нет, так как у неё своё, вненаучное «поле применения». Отсюда проистекает и то, что теология заведомо не способна заменить собою научное религиоведение, задачей которого является объективное и беспристрастное исследование религии как социокультурного феномена и отдельных конкретных религий в их историческом развитии и современном состоянии¹⁵.

Прагматический контекст

22 января 2015 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил за включение теологии в список научных дисциплин. Затем комиссия ВАК утвердила включение теологии в номенклатуру научных дисциплин. Однако, как заявил Председатель ВАК РФ Владимир Филиппов, «кандидатов и докторов теологических наук в России в ближайшие годы не будет, несмотря на то что бакалавриат и магистратура по теологии давно существуют в российских вузах»¹⁶.

«Принято решение, что объект изучения есть – это теология. Но теология должна рассматриваться и вводиться как специальность с уже существующих десятилетиями подходов, когда присвоение степени кандидатов и докторов наук производится по историческим наукам, по философским наукам, по социологическим наукам, по педагогическим наукам и культурологическим наукам», – рассказал Владимир Филиппов¹⁷.

Таким образом, на практике ситуация оказывается весьма противоречивой. С одной стороны, диссертант пишет работу по теологии, естественно, с соответствующими мировоззренческими предпосылками, инструментариумом, категориально-

понятийным аппаратам и методологической базой. С другой стороны, защищать эту работу он должен в Диссертационном совете по историческим, филологическим, педагогическим, социологическим наукам или по культурологии с присвоением ему соответствующей учёной степени. Возникает вопрос: каким образом теологическая работа, соответствующая по своим критериям теологическому знанию, сможет оказаться реально защищённой в названных диссертационных советах, где требования к диссертациям носят вполне определённый характер, требующий, в первую очередь, соответствия базовым принципам науки, о которых речь шла выше, использованию научной методологии, объективистского подхода, верифицируемости выводов и т. д.? Таким образом, возникает «замкнутый круг», где теология в номенклатуре научных специальностей есть, но защита диссертации по данной специальности, по существу, заведомо невозможна.

Кроме того, неизбежно встаёт вопрос о составе диссертационного совета по теологии: какие профильные специалисты должны в такой совет войти? Кандидаты и доктора богословия, защитившие диссертации в религиозных учебных заведениях, не имеют дипломов государственного образца, то есть формально не могут являться членами диссертационных советов. Следовательно, они должны пройти процедуру нострификации, то есть их дипломы должны обрести статус государственных. Если ВАК поддержит необходимость данной процедуры, то возникнет вопрос: какая специальность может быть указана в выданных ВАКом дипломах – кандидатов или докторов богословия, теологии, или опять же культурологии, исторических, социологических, филологических наук? Как, на основе какой «логики» всё это возможно согласовать?

Как видим, вопросов пока больше, чем ответов. Надеюсь, со временем ответы появятся, а главное, сформулированные в них положения смогут стать основой реальных и непротиворечивых действий.

Небесное и земное

Богословие, разные направления которого имеют свои давние традиции, благодаря приданию ему статуса науки, на мой взгляд, откровенно обмирщается и переводится в профанную сферу, что выглядит для него участием откровенно незаслуженной. Наука решает вполне «земные» проблемы», в то время как теология нацелена на «небесные». Поэтому нетрудно заметить, что смешение «теологии» и «науки» какой-либо пользы, как и любая подобная необдуманная манифестация, никому и ничему не принесёт, в том числе, самой теологии.

По моему мнению, каждый из институтов сам по себе и ценен, и самоценен, так как речь идёт о совершенно разных сферах бытия и познания. Зачем одному пытаться получить статус другого, по существу, жертвуя своей уникальностью, непонятно.

Как отмечает заведующий кафедрой философии религии и религиозных аспектов культуры Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор К.М. Антонов, «теология, даже получив государственное признание, остаётся церковной наукой в том смысле, что именно Церковь является основным заказчиком, предметом и местом проведения теологических исследований, хотя в сферу познавательного интереса теологии могут входить любые реалии культурной и общественной жизни»¹⁸. Далее автор справедливо указывает на трудности, которые ожидают теологию, стремящуюся стать наукой: «Не изменяя своей природе, богословие должно принимать формальные правила игры существующего научного сообщества, т. е. наличный уровень строгости методических требований, обуславливающих общезначимость и достоверность получаемых результатов. Оно не может игнорировать логику становления современной научной и философской мысли, её методологический инструментарий.

Стремление добиться признания научного сообщества – не столько официального признания, сколько неформального – ставит перед богословием задачу осмысления принципа академической свободы исследования и дискуссии, осознания проблематичности и принципиальной незавершённости как существенных черт научного знания.

Существенной проблемой может стать идеологизация догматического содержания веры, искусственное закрепление в сознании если не самих учёных-богословов, то их аудитории, набора штампов, касающихся как внешних, так и ключевых внутренних вопросов богословской науки: соотношения веры и разума, содержания таких ключевых понятий как “вера”, “Откровение”, “догмат”.

Внутри себя самого теологическое сообщество должно разработать и последовательно применять процедуры различения свидетельства и научного исследования, идеологемы и результата научного анализа и т. п.»¹⁹. Как видим, стоящие перед теологией задачи весьма сложны и многообразны. Вопрос в том – выполнимы ли они, и не травмируют ли они саму теологию?

Очевидно, что К.М. Антонов понимает всю сложность и проблематичность результатов придания теологии научного статуса, поэтому своё исследование он завершает весьма радикальным выводом о том, что «подтвердить свою научность теология может, решившись на перепроверку своих оснований, выявление и переоценку всех наслоений и напластований “само собой разумеющегося”. Это же самое даст ей возможность быть адекватным выражением церковной веры, выражающей Слово Божие, обращённое к человечеству в целом и способное придать универсальный смысл его существованию, деятельности, творчеству и познанию»²⁰.

Таким образом, мы возвращаемся к тому, с чего, собственно, начали – к Божественному Слову, способному придать некий универсальный смысл человеческому существованию, познанию и т. д., выражению церковной веры. Согласно с этим полностью. Но причём тут наука, даже с учётом специфичности предметного поля теологии?

Согласно действующему законодательству РФ, религиозным структурам гарантировано законное право формировать собственные образовательные системы. Таковые есть – это ряд Духовных академий, семинарий, училищ определённого количества приходских школ, конфессиональные университеты²¹. Мне видится, что подобная профанация теологии, даже если и кажется, что профанируется наука, недопустима. Видимо, в пылу дискуссий и стремления к земным обретениям, позабылись слова основателя христианства: «Царство Моё не от мира сего... ныне Царство Моё не отсюда» (Ин. 18:36). «Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17).

Библиографический список

1. Антонов, К.М. Теология как научная специальность / К.М. Антонов // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 73–84.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской патриархии, 1976.
3. Бучило Н.Ф. История и философия науки. Учебное пособие / Н.Ф. Бучило, И.А. Исаев. – М.: «Прспект», 2012.
4. В России теологию утвердили в качестве научной дисциплины [Электронный ресурс]. – [URL] <http://www.newslr.ru/society/2015/01/24/v-rossii-teologiyu-utverdili-v-kachestve-nauchnoj-discipliny/> (дата обращения: 06.02.2016).
5. Горохов, В.Г. Технические науки. История и теория. История науки с философской точки зрения / В.Г. Горохов. – М.: «Логос», 2012.
6. История и философия науки: Основные имена и понятия. Учебное пособие / под ред. Полищук В.И. – М.: «Prondo», 2013.
7. Кимелев, Ю.А. Модель религиозоведческого и теологического образования в системе образования России / Ю.А. Кимелев, игумен Петр (Еремеев), В.В. Шмидт // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 3. – С. 39–46.
8. Кузьменко, Г.Н. Философия и методология науки. Учебник для магистратуры / Г.Н. Кузьменко, Г.П. Отюцкий. – М.: «Юрайт», 2014.
9. Миронов, В.В. Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии / В.В. Миронов // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. – 2015 – Т. 1. № 1. – С. 28–37.
10. Огородников, В.П. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов / В.П. Огородников. – СПб.: «Питер», 2011.

11. Основы религиоведения / под ред. Яблокова И.Н. – М.: «Высшая школа», 1998.
12. Павленок, П.Д. Философия и методология социальных наук: Учебное пособие / П.Д. Павленок. – М.: «Инфра М», 2015.
13. Паспорт научной специальности «Теология» [Электронный ресурс]. – URL: <http://internetsobor.org/politika/tcerkov-i-mir/politika/pasport-nauchnoi-spetcialnosti-teologiiia> (дата обращения: 10.02.2016).
14. Пивоев, В.М. Философия и методология науки: учебное пособие / В.М. Пивоев. – М.: «Директ-Медия», 2013.
15. Проблема демаркации науки и теологии современный взгляд / под ред. Касавина И.Т. – М.: ИФРАН, 2008.
16. Степин, В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности / В.С. Степин // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. – 2015. – Т. 1. № 1. – С. 7–25.
17. Степин, В.С. Философия и методология наук. Избранное / В.С. Степин. – М.: «Академический проект», 2015.
18. Фаулз, Д. Волхв / Д. Фаулз; пер. с англ. – М.: Издательство «Независимая газета», 1993.
19. Философия, наука, цивилизация (к 65-летию академика В.С. Степина). – М.: «Эдиториал УРСС», 1999.
20. Ценностный дискурс в науках и теологии / под ред. Касавина И.Т., Филатова В.П., Шахова М.О. – М.: ИФРАН, 2009.
21. Шульга, Е.Н. Понимание и интерпретация / Е.Н. Шульга. – М.: «Наука», 2009.
22. Шульга, Е.Н. Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма / Е.Н. Шульга // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. – 2015 – Т. 1. № 1. – С. 38–54.
23. Элбакян, Е.С. И снова о теологии... / Е.С. Элбакян // Религиоведческий журнал [Электронный ресурс]. – URL: http://l.facebook.com/l/ZAQEr-EgwAQEOkE00FAxcBvTasRNbtyGMMYjJRu84I3xh_g/religjourn.ru/stat-i/post-229/ (дата обращения: 17.10.2015).
24. Элбакян, Е.С. Научность религиоведческой экспертизы: возможность и необходимость / Е.С. Элбакян // Новые вызовы свободе совести в современной России / Отв. ред. Элбакян Е.С. – М.: Издательство «Древо жизни», 2012. – С. 139–150.
25. Элбакян, Е.С. Религиозный феномен в сознании российской интеллигенции XIX – начала XX вв. (философско-исторический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – М.: РНИСиНП, 1996.
26. Элбакян, Е.С. Повседневность религии или религия повседневности? // Религия в меняющемся мире / под ред. Шахнович М.М. – СПб.: ИД СПбГУ, 2012. – С. 309–331.

¹ Философское учение Фомы Аквинского / Лекции, прочитанные профессором Э.Г. Баландиной на занятиях открытой Философской школы Центра «Аналитик». URL: http://www.socio-research.ru/svd/cnt/ru/fldr_mainpage/fldr_rightupblock/fldr_philosophyschool/fldr_200904/cnt_thomas_aquias_02 (дата обращения: 10.02.2016).

² Спиркин А.Г. Мировоззрение // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 375–376.

³ См., например: Миронов В.В. Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. 2015. Т. 1. № 1. С. 28–37.

⁴ См., например: Степин В.С. Философия и методология наук. Избранное. М., 2015; Степин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. 2015. Т. 1. № 1. С. 7–25; Горохов В.Г. Технические науки. История и теория. История науки с философской точки зрения. М., 2012; Философия, наука, цивилизация (к 65-летию академика В.С. Степина). М., 1999; Шульга Е.Н. Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. 2015. Т. 1. № 1. С. 38–54; Шульга Е.Н. Понимание и интерпретация. М., 2009; Проблема демаркации науки и теологии современный взгляд / под ред. Касавина И.Т. М., 2008; Ценностный дискурс в науках и теологии / под ред. Касавина И.Т., Филатова В.П., Шахова М.О. М., 2009. Помимо статей и монографий, имеется значительное число учебников и учебных пособий по философии и методологии науки, например, Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки. Учебник для магистратуры. М., 2014; Пивоев В.М. Философия и методология науки: учебное пособие. М., 2013; Павленок П.Д. Философия и методология социальных наук: Учебное пособие. М., 2015; Огородников В.П. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. СПб., 2011; Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки. Учебное пособие. М., 2012; История и философия науки: Основные имена и понятия. Учебное пособие / под ред. Полищук В.И. М., 2013 и др.

⁵ Элбакян Е.С. Научность религиоведческой экспертизы: возможность и необходимость // Новые вызовы свободе совести в современной России / Отв. ред. Элбакян Е.С. М., 2012. С. 139–143.

⁶ Подробнее см., например: Гусев Д.А. Концепции современного естествознания. М., 2015.

- ⁷ См., например: Элбакян Е.С. Религиозный феномен в сознании российской интеллигенции XIX – начала XX вв. (философско-исторический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1996. С. 227–232.
- ⁸ См. Элбакян Е.С. Повседневность религии или религия повседневности? // Религия в меняющемся мире / под ред. Шахнович М.М. СПб., 2012. С. 309–331.
- ⁹ Фаулз Д. Волхв / пер. с англ. М., 1993. С. 323–324.
- ¹⁰ Паспорт научной специальности «Теология». URL: <http://internetsobor.org/politika/tcerkov-i-mir/politika/pasport-nauchnoi-spetsialnosti-teologiiia> (дата обращения: 10.02.2016).
- ¹¹ Основы религиоведения / под ред. Яблокова И.Н. М., 1998. С. 10.
- ¹² Основы религиоведения / под ред. Яблокова И.Н. М., 1998. С. 10–11.
- ¹³ Основы религиоведения / под ред. Яблокова И.Н. М., 1998. С. 11.
- ¹⁴ Основы религиоведения / под ред. Яблокова И.Н. М., 1998. С. 12.
- ¹⁵ Подробнее см.: Элбакян Е.С. И снова о теологии... // Религиоведческий журнал [Электронный ресурс]. URL: http://1.facebook.com/1/ZAQEr-EgwAQEOkE00FAxcBVTasRNbtyGMMYjJRu84I3xh_g/religiourn.ru/stat-i/post-229/ (дата обращения: 17.10.2015).
- ¹⁶ Вместо прихода из трех бабок попы пойдут в РГГУ // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/10/13_a_7816751.shtml (дата обращения: 06.02.2016).
- ¹⁷ В России теологию утвердили в качестве научной дисциплины. URL: <http://www.newsler.ru/society/2015/01/24/v-rossii-teologiyu-utverdili-v-kachestve-nauchnoj-discipliny> (дата обращения: 06.02.2016).
- ¹⁸ Антонов К.М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 81.
- ¹⁹ Антонов К.М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 81.
- ²⁰ Антонов К.М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 81.
- ²¹ См.: Кимелев Ю.А., Петр (Еремеев), игумен, Шмидт В.В. Модель религиоведческого и теологического образования в системе образования России // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 39–46.

References

1. *Filosofskoe uchenie Fomy Akvinskogo* [Philosophical Teaching of Thomas Aquinas]. Available at: http://www.socio-research.ru/svd/cnt/ru/fldr_mainpage/fldr_rightupblock/fldr_philosophyschool/fldr_200904/cnt_thomas_aquias_02 (accessed 10.02.2016).
2. Mironov V.V. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki* [Philosophy, Methodology and History of Science]. Vol. 1, no. 1, 2015, pp. 28–37.
3. *Filosofskiy entsyklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary on Philosophy]. Moscow: «Sovetskaya entsyklopedia», 1983. С. 375–376.
4. Stepin V.S. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2015, 716 p.
5. Stepin V.S. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki* [Philosophy, Methodology and History of Science]. Vol. 1, no. 1, 2015, pp. 7–25.
6. Gorokhov V.G. *Tekhnicheskie nauki. Istoriya i teoriya. Istoriya nauki s filosofskoy tochki zreniya* [Technical Sciences. History and Theory. The History of Science from the Philosophical Point of View]. Moscow, Logos, 2012, 512 p.
7. *Filosofiya, nauka, tsivilizatsiya (k 65-letiyu akademika V.S.Stepina V.S.)* [Philosophy, Science. Civilization (To the 65th Anniversary of Academy Fellow V.S. Stepin)]. Ed. by Kazutinskiy V.V. Moscow: Editorial URSS, 1999. 367 p.
8. Shulga E.N. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki* [Philosophy, Methodology and History of Science]. Vol. 1, no. 1, 2015, pp. 38–54.
9. Shulga E.N. *Ponimanie i interpretatsiya* [Understanding and Interpretation]. Moscow, Nauka, 2009, 318 p.
10. *Problema demarkazchii nauki i teologii: sovremenniy vzglad* [The Problem of Demarcation of Science and Theology: Modern View]. Ed. by Kasavin I.T. Moscow, IFRAN, 2008, 279 p.
11. *Tsenostnyy podkhod v naukakh i teologii* [Axiological Approach in Science and Theology]. Ed. by Kasavin I.T., Filatov V.P., Shakhov M.O. Moscow, IFRAN, 2009, 352 p.
12. Kuzmenko G.N., Otyutskiy G.P. *Filosofiya i metodologiya nauki. Uchebnik dlya magistratury* [Philosophy and Methodology of Science. Master Course Textbook]. Moscow, Yurait, 2014, 450 p.
13. Pivoev V.M. *Filosofiya i metodologiya nauki. Uchebnoe posobie* [Philosophy and Methodology of Science. Teaching Aid]. Petrozavodsk, PetrGU, 2013, 320 p.
14. Pavlenok P.D. *Filosofiya i metodologiya sotsial'nykh nauk. Uchebnoe posobie* [Philosophy and Methodology of Social Sciences. Teaching Aid]. Moscow, Infra M, 2015, 96 p.
15. Ogorodnikov V.P. *Istoriya i filosofiya nauki. Uchebnoe posobie dlya aspirantov* [History and Philosophy of Science. Postgraduate Teaching Aid]. Saint Petersburg, Piter, 2011, 368 p.
16. Buchilo N.F., Isaev I.A. *Istoriya i filosofiya nauki. Uchebnoe posobie* [History and Philosophy of Science. Teaching Aid]. Moscow, «Prospekt», 2014, 432 p.
17. *Istoriya i filosofiya nauki: Osnovnye imena i ponatiya. Uchebnoe posobie* [History and Philosophy of Science: General Names and Definitions]. Ed. by Polishchuk V.I. Moscow, Prondo, 2013, 354 p.
18. Elbakyan E.S. *Novye vyzovy svobode sovesti v sovremennoi Rossii* [New Challenges to the Freedom of Conscience in Modern Russia]. Moscow, Drevo zhizni, 2012, 167 p.

19. Gusev D.A. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya* [Concepts of Modern Natural Science]. Moscow, Prometey, 2015, 202 p.
20. Elbakyan E.S. *Religiozniy fenomen v soznanii rossiiskoy intelligentsii XIX – nachala XX vv. (filosofsko-istoricheskiy analiz)*. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk* [Religious Phenomenon in the Mentality of Russian Intellectuals of the 19th – Early 20th Centuries (Philosophical and Historical Analysis)]. Doctoral Thesis in Philosophy]. Moscow, RNI SiNP, 1996, 440 p.
21. Elbakyan E.S. *Religiya v menyaushchemsya mire* [Religion in the Changing World]. Ed. by Shakhnovich M.M. Saint Petersburg, ID SPbGU, 2012, pp. 309–331.
22. Fowles John. The Magus. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1993, 733 p. (in Russ.).
23. *Pasport nauchnoy specialnosti «Teologia»* [Description of the Scientific Speciality of “Theology”]. Available at: <http://internetsobor.org/politika/tcerkov-i-mir/politika/pasport-nauchnoi-spetsialnosti-teologiiia> (accessed 10.02.2016).
24. *Osnovy religiovedeniya* [Foundations of Religious Studies]. Ed. by Yablokov I.N. Moscow, Vysshaya shkola, 1998, 480 p.
25. *Osnovy religiovedeniya* [Foundations of Religious Studies]. Ed. by Yablokov I.N. Moscow, Vysshaya shkola, 1998, 480 p.
26. *Osnovy religiovedeniya* [Foundations of Religious Studies]. Ed. by Yablokov I.N. Moscow, Vysshaya shkola, 1998, 480 p.
27. *Osnovy religiovedeniya* [Foundations of Religious Studies]. Ed. by Yablokov I.N. Moscow, Vysshaya shkola, 1998, 480 p.
28. Elbakyan E.S. *Religiovedcheskii zhurnal* [Religious Study Journal]. Available at: http://l.facebook.com/l/ZAQEr-EgwAQEOkE00FAxcbBTasRNbtyGMMYjJRu84I3xh_g/religiourn.ru/stat-i/post-229/ (accessed 17.10.2015).
29. *Vmesto prikhoda iz trekh babok popy poydut v RGGU* [Instead of Three Old Women’s Parish Clergy Go to RSUH]. *Gazeta.ru*. Available at: http://www.gazeta.ru/science/2015/10/13_a_7816751.shtml (accessed 06.02.2016).
30. *V Rossii teologiu utverdili v kachestve nauchnoy discipliny* [Theology Has Been Accepted as an Academic Subject in Russia]. Available at: <http://www.newsler.ru/society/2015/01/24/v-rossii-teologiyu-utverdili-v-kachestve-nauchnoj-discipliny> (accessed 06.02.2016).
31. *Voprosi filosofii* [Issues of Philosophy]. 2012, no. 6, pp. 73–84.
32. *Voprosi filosofii* [Issues of Philosophy]. 2012, no. 6, pp. 73–84.
33. *Voprosi filosofii* [Issues of Philosophy]. 2012, no. 6, pp. 73–84.
34. *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of Peoples]. 2012, no. 3, pp. 39–46.